

Д. В. Цолин

СИНТАКСИС ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКИ В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НА АРАМЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ IV–VIII веков

Национальный университет «Острожская академия»,
Украина, 35800, Острог, ул. Семинарская, 2

Статья посвящена анализу синтаксических основ стихосложения в еврейской литургической поэзии на арамейском языке доклассического и классического периодов. Анализируемый материал составляют тридцать *пютов*, добавленных к тексту арамейского перевода Торы в Таргумах Каирской Генизы и Фрагментарного Таргума. Основная гипотеза статьи: структура стиха в обеих поэтических традициях не была строго привязана к определенным синтаксическим моделям, а более ориентирована на ритмическую организацию и фонетические средства. Именно поэтому основная синтаксическая единица в литургической поэзии как доклассического, так и классического периодов — *синтагма-колон*. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: литургическая поэзия, арамейский язык, поэтический синтаксис, таргумы.

LINE SYNTAX IN 4th–8th CENTURIES JEWISH LITURGICAL POETRY IN ARAMAIC

D. V. Tsolin

National University of Ostroh Academy, 2, ul. Seminarskaya, Ostroh, 35800, Ukraine

This article is concerned with analysis of the syntactic foundations for versification in the Jewish liturgical poetry written in Aramaic in the pre-classical and classical periods. This research embraces thirty poems which were added to the text of Aramaic translation of the Pentateuch in the Cairo Genizah Targum and Fragmentary Targum. The main hypothesis is: the verse structure in both poetical traditions is not strictly connected with certain syntactic models, but rather orientated to the rhythmic structure and phonetic means (acrostic and rhyme). Just for this reason the main syntactic unit of the verse structure in both pre-classical and classical poetry is a syntagma-colon.

Analysis of the correlation between poetical lines does not display any specific type of syntactic relationships: the lines may be independent clauses, parts of coordinate or subordinate composite sentences, or parts of clauses (nominal phrases, predicative expressions or adverbial phrases). This characteristic of syntax is inherent in both the pre-classical linear and the classical strophic verse structures, what confirms our hypothesis that the main principles of versification in the Jewish liturgical poetry were not strongly orientated to the syntactic standards. The main difference in the verse structure at the level of a poetical line in these two types of poetry is a more regular rhythm and rhyme in the classical poems. Refs 17.

Keywords: liturgical poetry, Aramaic, poetical syntax, targums.

Разнообразие жанров еврейской литургической поэзии, написанной на арамейском языке в эпоху поздней античности и раннего средневековья, предоставляет богатый материал для исследования поэтического синтаксиса. Тип стихосложения здесь принципиально отличается от библейского параллельного стиха (он сохраняется лишь в парафразах древнееврейской поэзии в таргумах), в основе которого лежит *бессоюзная связь* двух предложений-строк. В литургической поэзии доклассического периода (IV–VI вв.) преобладает акростих, в основе которого — *строка*, разделенная цезурой; в классической же поэзии (VI–VIII вв.) доминирующей базовой структурой акростиха становится *строфа*.

Синтаксические основы как доклассического, так и классического стихосложения не всегда поддаются точному определению: в основе поэтической строки здесь может

быть предложение, словосочетание-дополнение, обстоятельственный оборот, группа подлежащего или сказуемого. Ориентированность на *ритмическую структуру* стиха предоставляла поэтам больше свободы в синтаксисе. С другой стороны, к «вольностям» синтаксиса авторов подталкивали и некоторые фонетические стандарты стихосложения, из-за которых порядок слов в предложении порой неестественно изменялся — *акростих* в начале строки в доклассической поэзии и *рифма* в конце строки в поэзии классической (акростих при этом стоял лишь в начале куплета).

Истории еврейской литургической поэзии в целом, включая классификацию ее основных жанров, описание основных моделей стихосложения, посвящены работы Л. Цунца [1], И. Эльбогена [2], Й. Ягалома [3], Э. Фляйшера [5], Й. Кирнера [6], Л. Вайнбергера [7], М. Валленштайна [8]. Следует также отметить единственный труд Й. Ягалома, посвященный *синтаксису литургической поэзии* [9]. Однако все упомянутые выше работы рассматривают поэзию на иврите. Наиболее выдающиеся исследования арамеоязычной иудейской поэзии — книга А. Розенталя [10] о поэмах к празднику Шавуот, и работа Й. Ягалома и М. Соколова, посвященная литургической поэзии византийского периода [4]. Синтаксический аспект затронут лишь частично.

В данной статье мы рассматриваем синтаксические основы стихосложения в арамеоязычной еврейской поэзии, введенной в тексты таргумов — арамейских переводов Ветхого Завета. Анализируемые нами поэтические произведения *не являются переводами* с древнееврейского языка, а представляют собой самостоятельные поэтические произведения, добавленные к переведенному библейскому тексту. Такие дополнения встречаются в таргумах Каирской Генизы (CGTg) и Фрагментарном Таргуме (FragTg). Их чтение было приурочено к двум праздникам еврейского религиозного календаря — *Песах* (в память об Исходе евреев из Египта) и *Шавуот* (празднование дарования Торы), и потому они расположены после соответствующих библейских текстов — 12-й, 14-й и 20-й глав Книги Исхода. Вероятно, они предназначались для декламации чтецами-*метургеманами* после прочтения арамейского перевода упомянутых выше библейских текстов [11, 12]. В общей сложности в CGTg насчитывается 19 *пиютов*, а в FragTg — 11.

Мы используем особое обозначение *пиютов* в рукописях: сокращенное название библейской книги и номера главы, к которой был добавлен поэтический отрывок в таргумах (например, Ex 12) и латинской буквы (а, b, с...), указывающей на конкретную рукопись (см. список ниже); далее, после запятой следует еврейская буква, обозначающая строку акростиха, а цифра через дефис — номер строки. Например, Ex 12a, 2-2 означает: номер рукописи (Ex 12a Exodus 12:1 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174), куплет 2, строка вторая. Арамейский текст приводится по изданиям Таргумов Каирской Генизы и Фрагментарного Таргума М. Кляйна [13, 14].

Список рукописей

Ex 12a Exodus 12:1 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174.

Ex 12b Exod. 12:1 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21v; MS GG, Plate 164.

Ex 12c Exod. 12:1 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21v; MS GG, Plate 164 (upside down).

Ex 12d Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S NS 186, folio 21r; MS GG, Plate 163.

- Ex 12e Exodus 12:2 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73, folio 29v; MS KK, Plate 174 (down).
 Ex 12f Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 166, 167.
 Ex 12g Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 169, folio 4r — 169 5v.
 Ex 12h Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H11.51; MS HH, Plates 169 folio 5v — 171 folio 6v.
 Ex 12j Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H; MS MM, Plate 176; folio 1.
 Ex 12i Exod. 12:2 Cambridge University Library MS T-S H 12.11; MS JJ, Plate 172, folio 6v.
 Ex 12k Exod 12:2 Oxford Bodleian Ms. Heb. e73; MS KK, Plate 173, folio 29r.
 Ex 14a Exodus 14:29 Jerusalem Jewish National & University Library MS 4⁰ 577.4⁹; MS PP, Plate 178, folio 3 (2r).
 Ex 14b Exod. 14:29–31 Jerusalem Jewish National & University Library MS 4⁰ 577.4⁹; MS PP, Plate 180–181, folio 5 (3r).
 Ex 14c Exod. 14:30 Oxford Bodleian Ms. Heb. e25; MS T Plates 113, 114, folio 64v.
 Ex 14d Exod. 14:30 Oxford Bodleian MS Heb. folio c74v, c75r, MS X, Plates 119, 120.
 Ex 14e Exod. 14:29 Fragmentary Targum, Paris — Bibliothéque national Hébr. 110, folios 1–16.
 Ex 14f Exod. 14 Cambridge University Library MS T-S H 10.78; MS MM Plate 176, folio 2v.
 Ex 15a Exod. 15:6 Oxford Bodleian Ms Heb. f33; MS G Plate 96, folio 25.
 Ex 20a Exod. 20:2 Leningrad, Saltykov-Schedrin MS Antonin Ebr. III B 67; MS G, Plate 98, folio 2 — Oxford Bodleian Ms Heb. f33; MS G, Plate 99, folio 26
 Ex 20b Exodus 20:1 Leningrad, Saltykov-Schedrin MS Antonin Ebr. III B 67; MS G, Plate 98, folio 2.

Рукопись Ex 20c Fragmentary Targum, Paris Hébr. 110 folio 13a (ошибочно размещена после Втор. 7:10) содержит десять поэм, посвященных семи из Десяти Заповедей Декалога, для обозначения которых к Ex 20c добавлена еще буква еврейского алфавита, например: Ex 20c и א ת. д.

Вот список поэм: Ex 20c א רשות לעשר הדברות; Ex 20c ב רשות אחר; Ex 20c ג רשות אחר; Ex 20c ד לא יהיה לך ד; Ex 20c ה לא תשא ה; Ex 20c ו זכור; Ex 20c ז כבד; Ex 20c ח לא תרצח; Ex 20c ט לא תנאף; Ex 20c י אחר.

Все поэтические произведения располагаются в 11 манускриптах, причем 10 из них относятся к CGTg (19 поэм)¹ и только 1 — к FragTg (11 поэм)². Подавляющее большинство пияутов (27 из 30) относится к доклассической поэзии (все, кроме Ex 20a, Ex 20c ה и Ex 20c י).

¹ Ex 12a, Ex 12b, Ex 12c, Ex 12d, Ex 12e, Ex 12f, Ex 12g, Ex 12h, Ex 12j, Ex 12i, Ex 12k, Ex 14a, Ex 14b, Ex 14c, Ex 14d, Ex 14f, Ex 15a, Ex 20a, Ex 20b.

² Ex 14e, Ex 20c י-א (10 поэм к празднику Шавуот из рукописи Paris Hébr. 110).

1. Структура стиха в доклассической и классической поэзии

1.1. ДОКЛАССИЧЕСКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Наиболее исчерпывающее описание доклассической поэзии, обычно ассоциирующейся с именем поэта Йосе бен-Йосе (IV–V вв.), представлено Э.Фляйшером [5, с. 81–91]. Среди наиболее характерных особенностей структуры стиха этот исследователь называет следующие:

- отсутствие рифмы [1, с. 11–12];
- в основе стихосложения — *строка*, а не куплет; две разделенные цезурой синтагмы составляют строку;
- использование акростиха;
- в некоторых случаях возможна имитация библейского параллелизма с эллипсисом глагола во второй строке.

Что касается отсутствия *рифмы*, традиционно считающейся границей между доклассической и классической поэтическими традициями, следует отметить, что эту черту вряд ли можно считать определяющей³. Л.Вайнбергер среди инноваций Йосе бен-Йосе называет «более распространенное экспериментирование с рифмованными формами, чем с рифмой-повтором (т.е. квазирифмой в виде повторения в конце строки одного и того же слова. — *Д.Ц.*)» [7, р. 23]. Подобным образом и А.Розенталь в своем издании арамеоязычных поэм к празднику Шавуот отмечает более-менее стабильное использование рифмы в поэзии этого типа [10, с. 28–116]. Доклассическую поэзию отличает также и наличие заимствованных из других языков слов (прежде всего, из греческого)⁴; в морфологии нередко обнаруживается восточно-арамейское влияние [10, с. 7–27].

Проблематичным является определения *границ поэтической строки* в доклассической поэзии. Во многих случаях строка может быть определена с помощью внешних маркеров: а) *акростиха*, обозначающего начало строки; б) примитивной *рифмы*, указывающей на конец строки, хотя она не всегда регулярна; в) в некоторых поэмах используется *знак реви'а* ם над последним слогом строки, поставленный, вероятно, самим поэтом либо переписчиком. Достаточно многочисленные примеры маркирования границ строки позволяют нам определить ее типичную модель. Приведем примеры.

³ Достаточно частое использование рифмы в доклассической поэзии подтверждается и нашими наблюдениями: значительная часть поэтических текстов из Каирской Генизы и Фрагментарного Таргума имеют *почти регулярную рифму*. Здесь используется как монорифма (одинаковая рифма во всем поэтическом произведении, например, ם- или ן-), так и чередующиеся регулярно различные виды рифмы (например, ן-, ך-, ן-); другие употребляют рифму и ассонанс в конце строки (например, ם- [ā] и ן- [lān]). Иначе говоря, «экспериментирование с рифмой» было настолько стабильным, что ее присутствие или отсутствие нельзя считать водоразделом между доклассической и классической еврейской литургической поэзией. Основное различие в стихосложении, на наш взгляд, — в *линейной* (доклассический период) и *строфической* (классический период) структурах стиха.

⁴ Одним из показательных фактов является употребление греческого слова *κυριος* («господин», «владыка») в арамейской транслитерации (ܩܝܪܝ) для обозначения Бога. Так, например, в 60 поэмах на арамейском языке из Каирской Генизы, посвященных празднику Шавуот, слово ܩܝܪܝ встречается 20 раз [4, с. 42–44]. Такое наименование Бога употреблялось грекоязычными иудеями еще в дохристианский период [15, р. 29–33; 16, р. 71; 17, р. 367–368].

אזל משה מן שמי / חות לגב בנייה
 ביידך אנה עתיד פרק / כל אוכל [וסייה]
 גלה אנה לך / כל נסייה
 דאיקונין דסבך / חקיקה בכורסייה

Пойди, Моисей, во имя Мое, спустишь к [Моим] детям!

Рукой твоей Я избавлю все множество [народа],

Открою Я тебе все чудеса,

Поскольку образ предка твоего выгравирован на престоле (Ex 12k, 7-8).

В данном случае начало строки легко определить по следующим маркерам: а) акростих; б) примитивная рифма יה-; в) знак *revi'a* ם в конце первой строки. В основе всех четырех строк лежит предложение, состоящее из двух синтагм-колонов; количество ударных слогов в каждом синтагме — от двух до четырех. Наиболее типичная модель строки: /- -/ /- -/ или /- — -/ /- -/⁵.

В другом случае маркированная акростихом, квази-рифмой и знаком *revi'a* строка по размерам совпадает с колоном, т. е. содержит лишь два или три ударных слога:

אפילו כל נימי
 בפומי מחלפו
 גיילי דמתיחי
 דיו ימי זלפו

Если бы даже все звуки

В устах моих изменились,

[Все] свитки развернулись,

Моря чернил разбрызгались... (Ex 20c 8, 7-8).

Синтаксические основы строк здесь разные: первая (א) представляет собой лишь группу подлежащего *protasis* условного периода с союзом אפילו «если бы», вторая строка (ב) — группу сказуемого, третья и четвертая — два коротких предложения. Приведенный выше пример представляет собой редкий для доклассической поэзии образец стиха, в котором колон и строка совпадают (структура /- -/ или /- — -/), а цезура между короткими строками создает такой же ритмический эффект, как и в упомянутой выше строке из двух колонов.

Маркированные подобным образом строки могут содержать и три колона:

זעית ודחילית / ואיתהפכו אפיי / מגוון לגוון
 חרצי משתריין / ומטרפא רוחי / לעילוי אצטלוון

Я дрожал и боялся, и менялся цвет моего лица,

Тряслись мои бедра, и дух мой трепетал, поднять покрывало [не смея] (Ex 20c 2, 11-12).

⁵ Мы используем знак [-] для обозначения ударного слога, а [/] указывает на границы синтагмы-колона; знак || обозначает границу между строками.

В этом случае ритмическая структура обеих строк выглядит одинаково: /- -/ /- -/ /- -/ || /- -/ /- -/ /- -/, или 2:2:2 || 2:2:2; общее количество ударных слогов в строке — шесть.

Таким образом, мы можем выделить ритмическую основу поэтической строки в доклассической поэзии — цепь колонов-синтагм, разделенных ритмической паузой (цезурой); количество ударных слогов в колонне может варьироваться от двух до четырех. Применение же дополнительных фонетических (акrostих и рифма/ассонанс) или графических (знак *revi'a*) маркеров зависело от видения строки самим автором: сделать ли строку одно-, дву- или трехсоставной было делом его эстетического вкуса.

1.2. КЛАССИЧЕСКИЙ СТИХ

Поэзия классического периода связывается с творчеством поэтов Янная, Элизера Киллира, Йехошуа и Пинхаса, а также других анонимных авторов VI–VIII вв. По Фляйшеру [5, с. 120–130], наиболее важными отличительными чертами классического стихосложения являются:

- регулярная рифма; хотя рифма была известна уже в доклассической поэзии, теперь она выходит за рамки поэтического эксперимента и становится неотъемлемой частью стиха;
- основой стиха является *строфа* (куплет), а не строка, как в доклассический период; ритм более четкий, но не квантитативный;
- особое использование акrostиха: не только в начале, но и в середине строки или строфы, или даже в начале каждого слова; встречаются так называемые реверсные акrostихи, строящиеся по принципу אה"ב ש;
- иногда можно встретить имитацию библейского семантического параллелизма, особенно в произведениях Киллира [7, р. 43–44].

Что касается поэтического языка классического периода, мы располагаем лишь исследованием текстов на еврейском языке, но не на арамейском [9]. Характерной его чертой является *искусственность*: в синтаксисе присутствует имитация библейских поэтических конструкций; для поддержания рифмы авторы иногда игнорируют грамматические правила, часто не согласовывая подлежащее и сказуемое; сочетания существительного и прилагательного тоже не всегда согласуются по правилам [9, с. 37, 44–45, 118–137]. Слова повседневной лексики не употребляются; в поэзии на еврейском языке часто используются двухсогласные глаголы (как в библейской поэзии); абстрактные глаголы употребляются с местоименными суффиксами для придания им более «высокого» звучания [5, с. 41, 47, 57, 67, 97]. Примечательно то, что в поэзии на арамейском языке этого периода, как и в поэзии на еврейском, заимствованные из других языков слова тоже употребляются крайне редко, что свидетельствует об общем процессе «очищения» поэтического языка — и еврейского, и арамейского.

Из тридцати рассматриваемых нами литургических поэм к классическим относятся лишь три, в общей сложности составляющие 244 строки⁶, тогда как имеющийся

⁶ Ех 20а — 88 строк, Ех 20с א — 69, Ех 20с ב — 85.

в нашем распоряжении доклассический материал — 964 строки⁷; таким образом, процентное соотношение составляет 20,3% к 79,7% соответственно. Однако объема материала классической поэзии вполне достаточно для того, чтобы сделать выводы о синтаксических основах стихосложения в этот период.

Границы строки в структуре *куплета* здесь выделить гораздо проще, поскольку рифма регулярна и, в отличие от доклассической поэзии, более выразительна: созвучны не только конечные гласные, но закрытый конечный слог (по меньшей мере, два одинаковых согласных), и даже два или три одинаковых слога в конце строки; в некоторых случаях используются еще и изысканные рифмы-омофоны⁸. Акrostихи появляется лишь в начале куплета:

אנא בְּרָא כֹל בְּמַאֲמַר
וּמִשְׁלֵם יִתְהוּן לְגַמֵּר
וּמְכַל עֵינַי מִטְמֵר
לִית דְּכִנְתִּי לְמִימֵר

Я сотворил все Словом,
И [Я же] воздам им в конце;
И от всякого глаза сокрыт —
Ни о ком не скажешь, что он подобен Мне (Ex 20a, ב-1–4).

Все четыре строки в составе куплета основаны на коротких предложениях-синтагмах, количество ударных слогов в которых одинаковое: /- — - / || /- — - / || /- — - / || /- — - /, или 3 || 3 || 3 || 3. В большинстве случаев в классической поэзии строка в куплете состоит из *одной синтагмы*, что делает ритм более четким, а поэтическую строку — более короткой (она не превышает четырех ударных слогов). Что касается синтаксических основ, то они принципиально не отличаются от строки в доклассической поэзии (см. раздел 2).

חִמִּית בְּרִיּוֹא בְּעִנּוּנִיהָ
דִּיתִיב עַל טוֹעֲנִיהָ
וּכְלַתָּא לִיָּה בִּימִינִיהָ
וּדְחִילִית מִינִיהָ

Я видел Создателя на Его облаке,
Который восседал на Своем [троне] суда,
А Его невеста — одесную Его;
И я устршился Его (Ex 20c ה, ב-1–4).

Все четыре строки куплета состоят из предложений-строк, ритмическая структура выглядит довольно четкой: /- — - / || /- — - / || /- — - / || /- - /, то есть 3 || 3 || 3 || 2.

⁷ Ex 12a — 15; Ex 12b — 17; Ex 12c — 15; Ex 12d — 53; Ex 12e — 21; Ex 12f — 84; Ex 12g — 68; Ex 12h — 45; Ex 12j — 21; Ex 12i — 6; Ex 12k — 22; Ex 14a — 39; Ex 14b — 41; Ex 14c — 43; Ex 14d — 42; Ex 14e — 53; Ex 14f — 10; Ex 15a — 8; Ex 20b — 16; Ex 20c א — 22; Ex 20c ב — 22; Ex 20c ג — 45; Ex 20c ד — 104; Ex 20c ו — 34; Ex 20c ז — 46; Ex 20c ח — 48; Ex 20c ט — 45.

⁸ Например: טלח || אסתכל || איתכל || מציידא, איתכל || אסתכל || טלח-ברין, טלא || טלא-ברין, טלח-טלח || רצדא || מרצדא, ציידא ||

Гораздо реже встречается строка, состоящая из двух синтагм, например: אמר משה/ כד — Сказал Моисей, когда взошел на высоту (Ex 20c ה, א-1). В общей сложности таких строк насчитывается 31, что составляет 13% из общего числа (244) строк в рассматриваемых нами классических пиятах⁹. В большинстве же случаев в классическом стихе строка совпадает с одной синтагмой. Засвидетельствован также случай вставки в классический стих прозаического отрывка и нескольких строк доклассического образца: интерпретации этого явления могут быть различными¹⁰.

Как видим, в обеих поэтических традициях в основании поэтической строки лежит *синтагма-колон*, различие заключается лишь в более четко структурированном ритме классической поэзии (одна, реже две синтагмы), который обусловлен строфической структурой стиха. Доклассическая же поэзия, в основе которой лежит *строка*, допускает более длинную цепь синтагм-колонов (од одной до трех, иногда до четырех). Наша задача заключается в том, чтобы выяснить, во всех ли случаях строка совпадает с предложением или же она может охватывать лишь его отдельные части (синтагмы-словосочетания)? Какие синтаксические отношения существуют между строками?

2. Синтаксис поэтической строки

В основе поэтической строки может лежать как целое предложение, так и его отдельные части (например, группа подлежащего, сказуемого или дополнения). Этот принцип распространяется на все виды поэтического дискурса — повествование, диалог, гимн, пояснение, аллегория.

В большинстве случаев в доклассических *пиятах* в основе поэтической строки лежит *предложение*. Так, из 964 строк (общее число строк в 27 пиятах) с предложением совпадает 873 строки, что составляет 90,7%; тогда как строк-словосочетаний только 90, т. е. 9,3%¹¹. При этом предложение-строка состоит преимуществ-

⁹ См. אמר חמדיה יתכן/ מכול (Ex 20a, ה-4) וכל אומיא/ כלא חשיבין (Ex 20a, ד-3) ואנהרית בהון/ כוכבין במילא (Ex 20a, ה-1) צייר בקבלא/ ומפיק לנהורא (Ex 20a, ס-2) ולא אקלין/ ולא מריחין (Ex 20a, מ-2) אף לא ענין/ ולא חשין (Ex 20a, ה-1) אומה חמית (Ex 20c ה, מ-1) חמית מלאכין/ דקודין ובורכין (Ex 20c ה, ג-3) ודלרע מין/ כוליה כליל דמין (Ex 20c ה, ה-3) ותרין מלאכי חבלה/ קיימין לקובלי || בקוסטינרי וגוזלי/ דעדק ממללי (Ex 20c ה, פ-1) פתחין/ מצליין ומתעניין ווי מן דאיתתא/ דכולה בהיתתא || ווי דטרדת אדם/ מן גינתא || (Ex 20c ה, ת-3) ואלהי כסי ית/ וליה אנא יהיב שבחא (Ex 20c י, א-1) אזדהר (Ex 20c י, ה-3) ווי במולדה/ תלת אפא לרומא (Ex 20c י, ג-1) גרשת לגיברין/ דמשריין בקיברין (Ex 20c י, א-1) סקרא בך/ דמא רבא (Ex 20c י, ג-4) ווי לכל/ דארה לימינהא || ווי לכל/ דארה לשמאלהא (Ex 20c י, מ-4) ברי/ לא תשתי ווי דמצדיין/ כד א || על אינש/ לא חייסא (Ex 20c י, ע-4) ווי במוהבא/ איך יהבון || כל דאתי לה/ לא יתובון (Ex 20c י, ס-1) פרס (Ex 20c י, ר-4) ותכחש שרה/ מסהיד עליהון (Ex 20c י, ז-1-3) צדיקיא רמסא/ וגיברין תפנא || היא פרס (Ex 20c י, לאינתא דגבר/ נסיבא כמודה (Ex 20c י, ש-3) ווי לשופריהון/ לא תסתחר (Ex 20c י, ש-1) שמע ברי ולא תסתהר (Ex 20c י, ו-4) וקיימי עמכון/ לא שפנא (Ex 20c י, ו-4).

¹⁰ См. поэму Ex 20a, 4-ю строку в куплете ט: וכאשאת וברקין/ וקאשאת וקאשאת; а также прозаическую вставку в куплет כ, представляющую собой цитату из таргума (совпадает с TgPsJ Исх. 20:2): ארום אנא ויהוה יי אלהכון דאפיקות ודאפיקות יתכון פרוקין מארעא דמצרים מבית שעבוד עבדיא в общий контекст искусно оформленного классического стиха выглядят и строки (не куплеты!) * ו: כ: כיוון צלמינא/ דלא חון || באודינא/ למה להון תסגדון; יד אַתְקִינַת/ שְׁמָא וְאַרְעָא/ עֲלִמְנָא וְשׁוּרִין || שׁוּתִי סְכִינָא/ הֲלֵא לִי תִסְגְּדוֹן בְּעִינָא.

¹¹ Распределение строк-предложений и строк, состоящих их одного члена предложения (в виде словосочетания или оборота), выглядит так (первая цифра — строка-предложение, вторая — часть предложения): Ex 12a — 15/0; Ex 12b — 17/0; Ex 12c — 11/4; Ex 12d — 47/6; Ex 12e — 18/3; Ex 12f — 77/7; Ex 12g — 65/3; Ex 12h — 44/1; Ex 12j — 21/0; Ex 12i — 6/0; Ex 12k — 22/0; Ex 14a — 28/11; Ex

венно из одного простого предложения (799 строк или 89%), гораздо реже — из сложного (81 строка, т.е. 11%). Структуры сложных предложений-строк могут быть различными: 19 строк — бессоюзные, 30 — сложносочиненные, 31 — сложноподчиненные, смешанного типа — 1 предложение.

В классической поэзии соотношение предложений-строк и словосочетаний-строк почти такое же: 220 против 26, т.е. в процентном соотношении 90,2% к 9,8% соответственно¹². Процент предложений-строк, в основе которых простое предложение, в классической поэзии еще выше, чем в доклассической — 96,2% (212 строк), тогда как сложные составляют лишь 3,8% (8 строк): сложносочиненных предложений — 2 строки, сложноподчиненных — 4, бессоюзных — 2.

Что касается синтаксических отношений *между* поэтическими строками-предложениями в структуре стиха, то они также различны: бессоюзная связь, координация, субординация и синтаксически изолированные предложения. Соотношение частоты использования различных типов связи между предложениями-строками в *доклассической поэзии*: бессоюзная связь — 32%, координация — 29%, субординация — 24%, независимые предложения — 15%¹³. В *классических пиютах*: бессоюзная связь — 21%, координация — 49%, субординация — 18%, независимые предложения — 12%¹⁴. Таким образом, выделить некий характерный тип синтаксической корреляции между поэтическими строками в доклассической и в классической модели стихосложения невозможно. При этом распределение разных видов синтаксических отношений между строками не обнаруживает признаков какой-либо системности, связанных с особенностями жанра или специфики поэтического дискурса — их выбор был сугубо делом вкуса автора, его замысла и, вероятно, способностей к поэтическому творчеству.

Все эти наблюдения наводят на мысль, что, в отличие от древнееврейского стихосложения, базирующегося на аппозиции двух (трех) предложений с параллельной синтаксической структурой, доклассический тип стиха как таковой менее привязан

14b — 35/6; Ex 14c — 43/0; Ex 14d — 40/2; Ex 14e — 52/1; Ex 14f — 9/1; Ex 15a — 8/0; Ex 20b — 15/1; Ex 20c \aleph — 7/15; Ex 20c \beth — 20/2; Ex 20c \aleph — 41/4; Ex 20c \daleth — 103/1; Ex 20c \aleph — 18/16; Ex 20c \daleth — 45/1; Ex 20c \aleph — 46/2; Ex 20c \beth — 43/2.

¹² Ex 20a — 82/4; Ex 20c \aleph — 54/14; Ex 20c \daleth — 79/8.

¹³ В общей сложности в рассматриваемых нами поэмах насчитывается 175 случаев сочетания предложений-строк бессоюзной связью: Ex 12a — 2; Ex 12b — 1; Ex 12c — 4; Ex 12d — 18; Ex 12e — 4; Ex 12f — 5; Ex 12g — 17; Ex 12h — 3; Ex 12k — 6; Ex 14a — 3; Ex 14b — 10; Ex 14c — 7; Ex 14d — 8; Ex 14e — 8; Ex 14f — 2; Ex 15a — 4; Ex 20b — 4; Ex 20c \aleph — 5; Ex 20c \beth — 5; Ex 20c \aleph — 7; Ex 20c \daleth — 8; Ex 20c \aleph — 7; Ex 20c \daleth — 6; Ex 20c \aleph — 6; Ex 20c \beth — 9. Сочиненная связь — 155 случаев: Ex 12a — 2; Ex 12b — 3; Ex 12c — 1; Ex 12d — 6; Ex 12e — 5; Ex 12f — 17; Ex 12g — 6; Ex 12h — 9; Ex 12j — 2; Ex 12i — 2; Ex 12k — 6; Ex 14a — 3; Ex 14b — 10; Ex 14c — 7; Ex 14d — 9; Ex 14e — 16; Ex 14f — 2; Ex 20b — 1; Ex 20c \aleph — 1; Ex 20c \beth — 1; Ex 20c \aleph — 6; Ex 20c \daleth — 2; Ex 20c \aleph — 9; Ex 20c \aleph — 10; Ex 20c \beth — 19. А также 126 случаев сочетания строк-предложений подчиненной связью: Ex 12a — 5; Ex 12b — 1; Ex 12c — 3; Ex 12d — 15; Ex 12e — 1; Ex 12f — 21; Ex 12g — 6; Ex 12h — 9; Ex 12j — 8; Ex 12i — 1; Ex 12k — 3; Ex 14a — 5; Ex 14b — 1; Ex 14c — 3; Ex 14d — 3; Ex 14e — 7; Ex 14f — 1; Ex 20b — 1; Ex 20c \aleph — 4; Ex 20c \daleth — 1; Ex 20c \aleph — 1; Ex 20c \daleth — 5; Ex 20c \aleph — 9; Ex 20c \beth — 4. В общей сложности — 84 изолированных строки: Ex 12a — 2; Ex 12b — 8; Ex 12d — 1; Ex 12f — 3; Ex 12g — 2; Ex 12h — 1; Ex 12k — 1; Ex 14a — 8; Ex 14b — 3; Ex 14c — 4; Ex 14d — 2; Ex 20b — 4; Ex 20c \beth — 7; Ex 20c \daleth — 25; Ex 20c \aleph — 2; Ex 20c \daleth — 5; Ex 20c \aleph — 3.

¹⁴ Бессоюзная связь появляется всего в 23 случаях: Ex 20a — 13; Ex 20c \aleph — 3; Ex 20c \beth — 7; сочиненная — в 54: Ex 20a — 12; Ex 20c \aleph — 21; Ex 20c \beth — 21; подчиненная — в 20: Ex 20a — 4; Ex 20c \aleph — 9; Ex 20c \beth — 7; независимые предложения — 13 раз: Ex 20a — 7; Ex 20c \aleph — 1; Ex 20c \beth — 5.

к определенным синтаксическим моделям. Единственной стабильной ритмико-синтаксической единицей здесь является *синтагма-колон*, причем она может совпадать как с предложением, так и со словосочетанием. В таком случае, можем ли мы утверждать, что принцип построения доклассического стиха ориентирован не столько на синтаксические структуры, сколько на ритмическую организацию и фонетические средства?

Анализируя образцы доклассической еврейской литургической поэзии на арамейском языке, мы можем отметить, что синтаксис играет здесь *второстепенную роль*. Этот тезис подтверждается, помимо приведенных выше наблюдений, и фактом *неестественного порядка слов* в предложении, который нередко встречается в доклассических *пикютах* в угоду акrostиху или ради поддержания квази-рифмы¹⁵. Продолжением отхода от синтаксически-ориентированного стихосложения, присущего древнееврейской поэзии, к ритмико-фонетическому принципу построения стиха стала *классическая поэзия*. В ней доминирует строфический тип стиха, подразумевающий более четкий ритм, акrostих только в начале куплета и изысканную рифму, которая из поэтического эксперимента превращается в неотъемлемую характеристику стихосложения.

Далее мы приводим обзор основных типов синтаксической структуры стиха в обеих поэтических традициях и результаты анализа частоты их употребления в исследуемых нами поэтических произведениях.

2.1. ПРЕДЛОЖЕНИЕ-СТРОКА

Как было упомянуто выше, в большинстве случаев в основе поэтической строки лежит предложение — глагольное или именное, простое самостоятельное, часть сложного или сложное. Предложения-строки связаны друг с другом в структуре стиха различными типами связи — бессоюзной связью, координацией, субординацией, или же они являются независимыми, вплетаясь в общую ткань поэтической структуры ритмически и по смыслу. В качестве примеров мы избрали преимущественно отрывки с маркированными границами строк.

2.1.1. Бессоюзная связь

קמתה כתמרא/ כאתכולין תדיה
ריחא דנחירה/ כריחא דחיוורא

Ее стан — как пальма, ее грудь — как кисти винограда,
Запах ее ноздрей — как яблони аромат (Ex 20c λ, κ).

¹⁵ Одним из наиболее заметных примеров того рода отклонений является расположение подлежащего *перед* *подчинительным союзом* ради поддержки *акrostиха*: מלכא דעלמין/ כד מלל מלתא נהירא — *Царь миров когда говорил слово света...* (Ex 20b, מ). См. также: זקהר אין חמיה/ זקיף לצפינה (Ex 12f, 1-1); רוח זקהר אין חמיה/ זקיף לצפינה (Ex 12f, 1-1-2). Или же сказуемого *перед* *подчинительным союзом*: קאדם שפיך לגו ירקה שבט <ש>נון אין מחת לזקהר — *Стоит если [серп луны] прямо...* (Ex 12f, ק-1). См.: также: קתנו בטבת/ קתנו בטבת (Ex 12f, 1ש-1-2); שפע אין הנה/ לגו ירקה אליל (Ex 12f, 2ע-1).

Первая строка включает в себя два коротких именных предложения; вторая — также именованное, в котором и подлежащее и сказуемое выражены словосочетаниями. Таким образом, ритмическая структура обеих строк симметрична: /- -/ /- -/ || /- -/ /- -/; помимо квазирифмы η - \aleph - [-ā], границы строк обозначены знаком *revi'a*.

יִמּוֹם וְלַיְלִי / נוֹרָא בְּלִבִּי יִקְדָּא
הַיָּד דִּיקוּד / שְׁלֵהוּבִית נוֹרָא

Днем и ночью огонь в моем сердце пылает —
Как пламя жгучее горит! (Ex 20с 11, 1–2).

Два глагольных предложения соединены бессоюзной связью, структура напоминает библейский параллельный стих. Каждая строка завершается квазирифмой \aleph - [-ā], ритмическая структура: /- -/ /- -/ — -/ || /- -/ /- -/, или 2:3 || 2:2.

Подобным образом и в классическом стихе:

פְּלִטְיָאֵל פִּלַּט מִיָּנָה
בְּעֵז דְּחִיל מִיָּנָה
יוֹסֵף עָרַק מִיָּנָה
וְשִׁלְמָה לֹא מֵהִימְנָה

Палтиэль спасся от нее;
Боаз боялся ее;
Иосиф убежал от нее,
Но Соломон верным не остался! (Ex 20с 11, 1–4).

Первые три предложения связаны бессоюзной связью, третье и четвертое — союзом γ в разделительной функции. Ритмическая структура симметрична во всех четырех предложениях-строках: /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ || /- — -/, т. е. 3 || 3 || 3 || 3.

2.1.2. Координация

Строки соотносятся как два простых предложения в составе сложного, соединенных сочинительным союзом.

גְּלִי קִדְמִי וְהִי / יְחִיהַּ וְרִקְמִיהָ
וְאִדְכֶרְךָ [לְהַ]וֹן / יְתִי קִמִּיהָ

Пред Ним открыты Его [...] и Его милость,
И вспомнил Он для них завет Свой (Ex 12b, 1–4).

Два простых глагольных предложения-строки, соединенных союзом γ . Расположение косвенного дополнения להוֹן перед прямым יְתִי קִמִּיהָ во втором предложении, очевидно, ради поддержки примитивной рифмы — местоименного суффикса הֵ- [-ēh] («его»). Ритм: /- -/ /- -/ || /- -/ /- -/, или 2:2 || 2:2.

Пример из классической поэзии:

2.1.4. Независимые предложения

Ниже мы приводим отрывок, в котором есть два независимых предложения-строки, объединенных общим контекстом.

אלהא ד'חיא וקיימא / ש'מיה
במצ'רים \\ך / עולב'ן עמיה

Бог Живой и Сущий — имя Его.

В Египте Он [призрел] на унижение народа Своего (Ех. 12b, ב-א).

Строка א — именное предложение, ב — глагольное простое, в котором обстоятельство במצ'רים вынесено в начало предложения, однако эмфатический смысл здесь вряд ли усматривается: скорее, автор искусственно изменил порядок слов для поддержки акростиха. Границы строк маркированы акростихом (א и ב) и примитивной рифмой — местоименным суффиксом יה-. Ритмическая схема: /- — - / - / || /- - / - /-, или 3:1 || 2:2.

В классической поэзии:

מן מיא דשתי
ומגומריה דגיהנם שתי
ווי לכל מאן דשתי
אודהר ברי לא תשתי

Кто пьет ее воду,

Тот от пылающих угольев Геенны пьет!

Горе каждому, кто пьет!

Будь осторожен, сын мой, не пей! (Ех 20c 7, 2-1-4).

Третье и четвертое предложения-строки связаны друг с другом только общим контекстом повествования и расположением рядом. Ритмическая структура стиха: /- — - / || /- — - / || /- — - / - / - / - / — - /-, или 3 || 3 || 4 || 2 || 4.

2.2. СТРОКА — СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В рассматриваемых нами поэмах встречается немало случаев (особенно в доклассической поэзии), когда в основе строки — *сложное предложение* (некоторые из них были рассмотрены выше). Как правило, это короткие предложения, которые могут быть бессоюзными, сложносочиненными или сложноподчиненными.

2.2.1. Бессоюзная связь

Два (реже три) простых предложения могут сочетаться бессоюзной связью. Предложения при этом короткие, и строка, как правило, по количеству слов не превосходит обычную, состоящую из одного предложения. В доклассических пиятах:

וסימן קָיִבִי לךְ / אֲנִי־הֵרֵב בְּבִישָׁתָהּ
דְּ[מ]ן צַפְיִנָה / עָקְתָהּ נְקָה

И знак будет для тебя: берегись беды!
Ведь с севера угнетение приходит (Ex 12f, 1-1).

Первая строка — сложное бессоюзное предложение; вторая — простое. Концовку каждой строки маркирует окончание-рифма ה- [ā]; акrostих присутствует лишь в первой строке. Ритмическая схема: /- — - / - - / || /- - / - /-, т.е. строка — сложное предложение больше строки — простого предложения только на одну ударную единицу: 3:2 || 2:2.

В некоторых доклассических поэмах такая строка включает два довольно длинных предложения, по сути составляющих две строки. Однако автор объединил их в одну, обозначив ее завершение знаком *revi'a* конец:

גבורה ודינמוס / אית באלהכון / הוא ישויבנכון מן ידי

Могущество и сила есть у вашего Бога? Он избавит вас от руки моей? (Ex 20c 7, 2-3).

Из подобных длинных строк из трех и даже четырех колонов состоит вся поэма. Ритмическая структура: /- - / - - / - /- — - - /-, т.е. 2:2:4.

В классических стихах такая строка встречается только один раз:

שמע ברי ולא תסתהר
ומנהון איזדהר
ווי לשופריהון לא תסתחר
דכולהון נִיִּרִי נהר

Послушай, сын мой, и не упорствуй!
И берегись их!

Горе их красоте: не прельщайся [тем],
Что вся она — свет сияющий (Ex 20c 7, 1-4).

Строка третья состоит из именного предложения ווי לשופריהון «Горе их красоте» и последующего глагольного לא תסתחר «Не прельщайся», которое управляет следующим подчиненным именным предложением-строкой דכולהון נִיִּרִי «Что вся она — свет сияющий». Ритмическая структура: /- — - - / || /- - / || /- — - - / || /- — - /-, или 4 || 2 || 4 || 3.

Кроме упомянутых выше примеров, бессоюзное сложное предложение внутри строки в доклассической поэзии встречается в 17 случаях¹⁷.

¹⁷ См.: ממליל בתקוף/ מערבלין אנון במדברא; (Ex 14b, 2-2); דָּלָה מִן מִחְבְּלָן/ יִקְוִין לְמוֹתָהּ (Ex 12f, 2-2); טוֹבִיָּה לְאִזְכָּרָה/ אֲתַמְלִיאֵךְ כָּל נַפְשָׁתָא אֲרוּן (Ex 20c 2, 2); פִּיקוּדִיָּא לְכַנְשֵׁת יַעֲקֹב/ נְסִיב לִיָּה חוֹטְרִין דְּלִבְךָ (Ex 20c 2, 2); חֵי וְקִיִּים הוּא/ פִּטְרוּן דִּידִן (Ex 20c 2, 1-1); נִסְסָא/ מָא (Ex 20c 2, 1-1); עֵלְךָ (עֵלְךָ) נִסְסָא/ מָא (Ex 20c 2, 1-1); פִּיִּסְקִי וְרוֹגוּשִׁי/ אֲפִתְחוּן לְצַדּוֹ וְסִבּוֹ (Ex 20c 2, 2-3); עֵבִיד אִו לֹא עֵבִיד/ נִיתְרַמִּי פְּשִׁיחוּן (Ex 20c 2, 1-1); אֵת מַחְסַד רִיָּה נוֹר לֹא עֵדַת בְּהוֹן/ בְּגוּשְׁמִיָּהוֹן לֹא שְׁלֵט הַבְּלָא (Ex 20c 2, 1-1); רִבּוּתָא בְּסַכְנָתָא/ לֹא שֵׁנוּ בְּסַרְבְּלָא פִּטְשָׁא וְכַרְבְּלָא (Ex 20c 2, 1-1); מָה תִּבְכָּה/ אֲמַר יִצְחָק לְאַבְרָהָם אֲבִי (Ex 20c 2, 2); אֲרוּם תְּקוּף עֵלְךָ/ טוֹבִיָּה דְּבַשְׁמִיא (Ex 20c 2, 2-3); חוֹס עַל טְלִיא (Ex 20c 2, 2-2); וּמָא דְּאֵהֲנִי לְךָ/ קוּם עֵיבַד (Ex 20c 2, 2-2); אֲרוּם אֲנָא סִהִיד/ אֲמַר יִי / בְּחַרְשִׁיא וּבְגִיּוּפִיא (Ex 20c 2, 2-3).

2.2.2. Сложносочиненные предложения в основе строки

וַאֲמַר לִיָּהּ מֹשֶׁה וְאָתִיב הָאָנָּה

И сказал ему: «Моисей!» И он ответил: «Вот я!» (Ex 14f, 1-1).

Конец строки обозначен квазирифмой κ -[ā], встречающейся также в предыдущих шести строках и последующей строке. Ритмическая структура строки: /- — -/ /- /-, т. е. 3:2.

В классической поэзии такая строка встречается только один раз, и то в том случае, когда автор почему-то применил необычно длинную для классического стиха строку:

טעם דבירא קדמאה

כד הות נפקא

מפום משקלל שמיא וארקא

דמְיָא לזיקין וברקין/ וכאשתא נְסָקא

Мудрость первой заповеди,

Когда выходила

Из уст Совершителя небес и земли,

Была подобна метеорам и молнии, и как поднимающееся пламя (Ex 20a, 4-4).

Последняя строка состоит из двух именных предложений, образуя ритмическую структуру из двух колонов: /- — -/ /- /-. Общая же ритмическая схема стиха выглядит так: /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ || /- — -/ /- /-, или 3 || 3 || 4 || 2.

Сложносочиненные предложения встречаются еще в 35 случаях в доклассической поэзии¹⁸, и только один раз в классической — в случае отступления от норм классического стихосложения (см. сноску 8): דְּמְיָא לזיקין וברקין/ וכאשתא נְסָקא (Ex 20a, 4-4).

¹⁸ См.: Ex 12f, 1-1) לְסִקּוֹרָה דְּתַלְי עֵינָיו/ וַיִּסְקֹר בְּחֹזֶה יְהוָה; Ex 12f, 2-2) [מ]וּתְנָה (Ex 12f, 2-2); וגובה יפוק/ וכלום דלא בל (Ex 12f, 3-3); קְטֵלָה הָיוּהוּ בְּגִיבְטוֹס/ וּכְפִן בְּדְרוּמָה (Ex 12f, 4-2); Ex 12g, 1-1) טַפֵּשׁ אַב/ וְלֹא יָדַע (Ex 12g, 1-1); אָעָה נִסֵּן כָּל לְבֵיה' / וְהִקְדִּין אָמַר לְהוֹן (Ex 12g, 2-2); הוּוה/ ועכברה יסגי (Ex 14d, 1-1) הָאֵת לְקַבְלִי/ וְאָנָּה לְקַבְלֵךְ (Ex 14b, 1-2); פּוֹרְקָנְהוֹן/ וּזְקַפּוֹ עַיִן/ יְהוֹן נָגַהּ (Ex 12g, 1-1); עָנָה נִסֵּן/ וְאָמַר לְטַבַּח חֲרָצִי מִשְׁתַּרְיִין/ וּמְטַרְפָּא (Ex 20c, 1-1) זַעִית וְדַחִילִית/ וְאִיתְהַפִּיכוּ אִפְיִ/ מְגוּוֹן לְגוּוֹן (Ex 14d, 1-1) עֵנִי מִשָּׁה/ וְאָמַר לִימָא (Ex 20c, 2-2); עֵנִימָה לְצוֹרְאִין/ וְלִרִישָׁא חִינָא (Ex 20c, 2-2); עֵגִילִין בְּאוֹזְנָהָ/ וְקוֹדְשֵׁיא טַבַּע אֲנַחֲרִין (Ex 20c, 2-2); רֹחַי/ לְעִילוּי אֲצַטְלוּוֹן (Ex 20c, 2-2) כָּל סַנְקְלִיטִין דִּידִי/ קוֹדִין וְכַרְעִין/ וְאִנְשׁ לָא מֵרָד (Ex 20c, 2-2) בֵּיה אָנוּ יְקִדִין/ וְבֵיה לָא כְּפִרִין (Ex 20c, 2-2); פְּרִיסְנָא (Ex 20c, 2-2) טַלְקִית רִישִׁי יִנְקִיכוֹן/ וְלֹא פְרִיק יִתְכוֹן (Ex 20c, 2-2) וְעִימָה שְׂרִי נְהוֹרָא/ וְחִשׁוּכָא לִיָּה גְלִיא (Ex 20c, 2-2); קִרָא דִּירְמִיָּה/ לְבַטּוּלִי (Ex 20c, 2-2) צוֹחִינְהוּ פְרוּס כָּל אֲנַמִי/ וְקוּמִי כָל חֵיל (Ex 20c, 2-2) לְכוּן/ וּילוֹן פִּיטְקוֹן/ שְׁקוּלוֹ וְכַתּוּבוֹ שְׁגַר מַלְבָּד/ וְאִנְיִין (Ex 20c, 2-2) רִמְיוֹ לְגוֹ אֲתוֹן גּוֹרָא כְּפִיתִין/ וְלֹא אִינְקוֹן בְּהַבְלָא (Ex 20c, 2-2); רִישֵׁיה שְׂרִיתוֹן בְּפִרְיעַ (Ex 20c, 2-2) תְּמַהוּי וְאֲתוּי אִישְׁתַּעוֹ/ כְּמַה רְבִרְבִין/ נְצַחְנוּי בְּקִרְוִי פִלְכִין (Ex 20c, 2-2) מְלִגִּיו/ וְעַבְדַּ נִיִּסִי בְּגוֹ נִיִּסִי (Ex 20c, 2-2) אָבָא לָא חֵס עַל בְּרִיָּה/ וְבִרְיָה לָא עַכְב (Ex 20c, 2-2) גְּלִי אֲדַרְעֵךְ/ וְאֲסוֹר חֲרָצֵךְ (Ex 20c, 2-2) פִּשׁוּט יִדְךָ/ וְסַב סַכִּינְךָ וְאָנָּה אֲשַׁמְעוֹ/ וְאִמַּר אֲמִן (Ex 20c, 2-2) וְכַנּוּס קִיטְמִי/ וְאוּבִילִיָּה לְאִמִי (Ex 20c, 2-2) הִיךְ תְּפִרוּשׁ מִינִי/ וְתִיזִיל לְבֵיתָא (Ex 20c, 2-2) וְלִית (Ex 20c, 2-2) תְּקִיף הוּא אֱלֹהָנָא/ וְתִקִּיפִין עוּבְדוּי (Ex 20c, 2-2) דָּאנָּה הוּא פְרִיקָא/ וְאֲפְרוּקִינְךָ (Ex 20c, 2-2) וְלִית דְּדַמִי לִיָּה (Ex 20c, 2-2) גִּיבֵר הוּינָא וְלִית דְּכוּתִי (Ex 20c, 2-2) דְּכוּתִיָּה/ וְלִית דְּדַמִי לִיָּה (Ex 20c, 2-2).

Проанализировав различные формы структур предложений-строк, частоту их употребления, а также распределение различных типов синтаксических связей между строками в доклассическом стихе, мы не можем выделить ни одной синтаксической модели, которую можно было бы считать наиболее характерной. Это наводит нас на мысль о том, что тип стихосложения в доклассической поэзии может быть охарактеризован не как синтаксически-ориентированный, а как основанный на *ритме*. Основной единицей здесь является *колон-синтагма*, который может совпадать с простым самостоятельным предложением, либо с предложением — частью сложносочиненного или сложноподчиненного комплекса; не принципиальны для стихосложения и соотношения между строками — бессоюзная связь, координация, субординация. Вторичными являются фонетические характеристики строки — акrostих и квазирифма. Эти выводы подтверждаются и анализом менее многочисленных случаев, когда в основе строки — словосочетание.

2.3. СТРОКА-СЛОВСОЧЕТАНИЕ

Довольно часто поэты отступали от принципа строка-предложение, образовывая строку из одного словосочетания — группы подлежащего или сказуемого, адвербиального выражения, расширенного дополнения, однородных дополнений.

2.3.1. Строка — группа подлежащего

כלא אומי חשיבין
ללמא סוף שלפן

Все народы многочисленные
В ничто в конце превратятся (Ex 20с 8, 7-8).

Первую строку составляет подлежащее «все народы многочисленные», выраженное фразой (существительное с прилагательным), вторую — дополнение, обстоятельство и сказуемое. Таким образом, предложение разделено на две строки-колоны, по три ударных слога в каждом: /- — -/ || /- — -/, или 3 || 3.

В классической поэзии встречается крайне редко (известно лишь два случая):

חמית זה אלי ענוון
וגאות עימיה יהיבן
מחי ומסי מתכוון
אלף אלפין ורבוа רבבן

Я увидел: Вот Бог мой — смирится пред Ним;
И славу величественную Он дал нам.
Он поражает и исцеляет; уповают [на Него]
Тысячи тысяч и тьмы тем (Ex 20с 7, 1-4).

Последняя строка состоит из группы подлежащего אלף אלפין ורבוа רבבן «тысячи тысяч и тьмы тем», предыдущая строка содержит сказуемое מתכוון «уповают». Ритмическая схема: 4 || 3 || 3 || 4.

Дополнение предыдущего предложения также может выноситься в начало следующей строки (как в случае с адвербиальным выражением):

דאנא עתיד לאיתהפכא
להון מדוונא לחדנא

Ибо я предназначен для того, чтобы превратить
Для них печаль в радость (Ex 12c, ל-4-5).

Косвенное дополнение вынесено в начало следующей строки, присоединяясь к группе прямого дополнения. Границы строк — квазирифма \aleph - [ā]. Ритмическая схема — строка-колон: /- — -/ || /- — -, или 3 || 3.

Дополнение в начале следующей строки: כל דאי בדקו/ על יוסף מוקיר שבי (Ex 20c ו, כ-1); לפתורי דדהב וצעי דכסף/ זכא ליה רביה (Ex 20c ו, ל-2).

2.3.5. Строка-определение

В функции определения может выступать словосочетание или причастный оборот. Такие строки встречаются довольно редко:

מסרבן לכל/ דמקריב קרבן
על שעבוד וחרבן

Он не позволил никому приносить жертвы
За рабство и разрушение (Ex 14b, מ-1-2).

Словосочетание второй строки («за рабство и разрушение») определяет дополнение первой строки («жертвы»). Ритмическая схема: /- -/ /- -/ || /- — -, или 2:2 || 3.

הא יתהפוך נימ'וסא/ לחיותא נסיסא
אכלא ומדקא/ ולא חסא

Его поведение станет как у дикого животного,
Пожирающего и сокрушающего, и не жалеющего (Ex 14a, ה-1-2).

Цепь однородных определений существительного חיותא «животное», выраженных причастиями, образует вторую строку. Следует отметить примитивную внутреннюю рифму \aleph - [ā], маркирующую границу цезуры в обоих строках, и более совершенную рифму סס-/סא- [sā] в конце каждой строки. Ритмическая структура: /- — -/ /- -/ || /- -/ /- -/, или 3:2 || 2:2.

См. также: ושאר א ברגלא רפסא (Ex 14a, ו); יתב נהורא (Ex 20b, ל-3); пассивное причастие: נקישן בחיסדא/ טביען בחיסנא (Ex 20c ג, ג-2).

ובגלימא וכסו || ולתלותי שירותיה/ ולמצבע אתרי חלי (Ex 20c ו, ד-2); דתא לקיימא/ ולשעורי גרימדי תחומי (Ex 20c ו, ב-2); ת; תוריה ועבדיה/ ואמתיה ועיליה (Ex 20c ו, ה-2); הליסטון ובאדג כוורי/ ולפדא ואנומל || ליקורי מעידן מעלי (Ex 20c ו, ו-2); נחלוי דימא/ וכל דיבישתא (Ex 20c ח, ו-2).

²⁸ См.: ושורין תלג (Ex 20c ח, ט-3); דמסככיניא ודעתיריא (Ex 20c ח, ו-2); ונפלין סמיך (Ex 20a, ה-2); לעממין חביבין (Ex 20c ח, ט-2); על נור (Ex 20c ח, ט-1-3); רשעה [חזק] || וגירין בראק || דממה דקה (Ex 20c ח, ט-2); בעפרא רימתא (Ex 20c ח, ט-1-3); חובין ודרדרין (Ex 20c י, ג-4); חובין ודרדרין (Ex 20c י, ב-2, 4).

В одном случае строка образуется из двух второстепенных членов предложения — *обстоятельства и дополнения*: תילל כל תליחאין / ואוריחא אולפן (Ex 20c א, ה).

Представленный выше анализ фактов формирования поэтической строки на основе словосочетания или оборота подтверждает наш предварительный тезис: как доклассический, так и классический тип стихосложения не был привязан к определенным синтаксическим структурам. Более того, факты «разрыва» предложения (когда один его член переносится в начало следующей строки-предложения, не будучи связанным с ним синтаксически) ради поддержки акростиха свидетельствуют о том, что для этого типа стихосложения *синтаксическая целостность строки* не играла важной роли.

С другой стороны, мы все же можем с уверенностью сказать, что структура *предложение-строка* является наиболее часто употребляемой в обеих поэтических традициях — более 90% поэтических строк. Однако сам факт столь частого использования предложения в качестве основания поэтической строки скорее обусловлен его функцией как завершенной по смыслу и интонационно синтаксической единицы, без строгой привязки к некоему *структурному стандарту*. Этим и объясняются факты использования как целого предложения, так и отдельных его частей в качестве основания поэтической строки.

К тому же строка как структурная единица стиха *вторична* по отношению к *синтагме-колону*. По этой причине мы наблюдаем предложение-строку или строку — часть предложения, состоящие из одной, двух, трех синтагм — по усмотрению автора. Не имеют принципиального значения синтаксические отношения между строками — или это части простого предложения, или же компоненты сложного. Строка может сочетать в себе и синтаксически не оправданные комбинации фрагмента предыдущего предложения (например, обстоятельство, вынесенное в начало следующей строки ради поддержки акростиха) и начала нового.

Основное различие между поэзией доклассической и классической не в разных синтаксических моделях стихосложения, а в *ритмической организации и фонетическом оформлении стиха*. В первом случае, это *строка* из нескольких синтагм-колонов (редко встречается строка из одного колона); во втором — *строфа* из четырех (реже трех) строк, большинство которых совпадает с одной синтагмой-колоном. При этом границы строки в доклассической поэзии обозначены акростихом и примитивной рифмой (не во всех случаях); в классической поэзии — это регулярная искусная рифма (акростих появляется, как правило, только в первой строке куплета). Для классической поэзии характерен более четкий и регулярный ритм.

Литература

1. *Zunz L. Literaturgeschichte der synagogalen Poesie*. Berlin, 1865. 666 S.
2. *Elbogen I. Jewish Liturgy: a Comprehensive History / transl. by Raymond Scheidlin*. New York; Jerusalem: The Jewish Theological Seminary of America, 1993. 500 p.
3. יהלום יוסף. שפת השיר הפיוט הארץ-ישראלי הקדום. ירושלים: הוצאת ספרים ע"ש י"ל מאגנס, האוניברסיטה העברית 1985, [*Yahalom Y. Language of the ancient poetry written in the land of Israel*. Jerusalem, 1985].
4. יהלום יוסף ומיכאל סוקולוף. שירת בני מערבא. שירים אראמיים של יהודי ארץ-ישראל בתקופה הביזנט. ירושלים: 1994, [*Yahalom Y., Sokoloff M. Poetry of the Sons of the West. The Jewish poems in Aramaic written in the land of Israel at the Byzantine period*. Jerusalem, 1999].
5. 1975, פליישר עזרא. שירת-הקודש העברית בימי-הביניים. ירושלים: בית הוצאת כתר, 1975, [*Fleisher E. The Medieval sacred poetry in Hebrew*. Jerusalem, 1975].

6. *Rabbi Yitzchok Kirner with Lisa Aiken*. The Art of Jewish Prayer. Northvale, New Jersey; London, 1991.
7. *Weinberger L. J.* Jewish Hymnography. A Literary History. London; Portland, Oregon, 1998. 516 p.
8. Some unpublished Piyutim from the Cairo Genizah / Meir Wallenstein. Manchester: Manchester University Press, 1956. 123 p.
9. יהלום יוסף. תחביר הפיוט הקדום (כולל יניי) כיסוד לסיגנונו. חיבור לשם קבלת תואר דוקטור לפילוסופיה הוגש לסינט 1974, האוניברסיטה העברית, [Yahalom Y. Syntax of the ancient poetry (including Yannai) as a foundation for its style: PhD thesis. Hebrew University of Jerusalem, 1974].
10. רוזנטל אברהם בן אליעזר שמשון. הפיוטים הארמיים לשבועות: בחינתם הדיאלקטית ותרומתם למילון הארמי. ירושלים. 1966, [Rozental A. The Aramaic Piyutim to the Shavu'oth Festival: Dialectal aspects and contribution to the Aramaic vocabulary. Jerusalem, 1966].
11. *Smelik W.* Orality, the Targums, and Manuscript Reproduction // Paratext and Megatext in Jewish and Christian Traditions. Leiden, 2003. P. 49–81.
12. *Tsolin D.* Elements of rhetoric in the Targums. Appeals to audience // Aramaic Studies. Leiden, 2012. P. 249–270.
13. *Klein M. L.* The Fragment-Targums of the Pentateuch according to their extant sources. Vols I–II. Rome, 1980.
14. *Klein M. L.* Genizah Manuscripts of Palestinian Targum to the Pentateuch: in 2 vol. Vol. 1. Cincinnati, 1986. 131 p.
15. *Roberts C. H.* Manuscript, society and belief in early christian Egypt. London: Oxford University Press, 1976.
16. *Rosén H. B.* Palestinian κοινή in Rabbinic Illustration // JSS. 1963. № VII. P. 56–72.
17. *Heinemann J.* Remnants of Ancient Piyutim in the Palestinian Targum Tradition // Hasifrut. 1973. N 4. P. 362–375.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Контактная информация

Цолин Дмитрий Васильевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
dmytro-73@mail.ru

Tsolin Dmytro — PhD, senior staff researcher; dmytro-73@mail.ru